

Анна Бородецкая

СМЕХОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Веселый человек создает себе веселый мир,
Мрачный человек создает себе мрачный.

С. Смайлс

Если не смеяться в тяжёлые минуты жизни,
то можно сойти с ума.

Ч. Чаплин

В XXI веке феномен смеха привлекает к себе все больше внимания, причем не только специалистов в различных областях знания, но и простых, как говорится, «рядовых людей», не имеющих к научным исследованиям никакого отношения. Смех становится «экзистенциальной характеристикой бытия человека и его умонастроения» [13, с. 299]. Об этом свидетельствует обилие юмористических телевизионных программ, заполняющих эфирное время, таких как «КВН», «Comedy club», «Наша Russia», «Смех без правил», «Женская лига» и т. д. Смеяться самим и вызывать смех других, заставляя, хотя бы на некоторое время, забыть о своих заботах и проблемах, – вот основная задача этих программ. Конечно, не всегда смех выступает в качестве позитивного начала, влекущего за собой положительные впечатления, есть и смех осмеяния, и смех презрения, но цель данной статьи – исследовать смех как «взрыв веселого расположения духа», как способ отстранить себя от повседневной жестокой реальности и быть независимым от объективного зла. При первом приближении к проблеме смеха может показаться, что и проблемы-то никакой нет, все просто и понятно, но это далеко не так. Смех – весьма многогранное явление, играющее существенную роль как в жизни каждого из нас, так и в процессе познания и обретения смысла собственного бытия.

Обычно смех трактуется как «культурно-психологический феномен, в котором выражается способность человека к комической оценке действительности» [9, с. 279]. Однако в различные эпохи и у различных народов смех принимал свои специфические черты, опосредованные взглядами и представлениями, характерными для данной среды. Например, в древнеегипетском папирусе III в. н. э., хранящемся в Лейдене, смеху отводится роль сотворителя мира: «Когда бог смеялся, родились семь богов, управляющих миром... Когда он разразился смехом, появился свет... Он разразился смехом во второй раз – появились воды...». Наконец, при седьмом взрыве смеха родилась душа (цит. по: [3, с. 33]). Смех подобен древнегреческому морскому божеству Протею, который обладал способностью беспрестанно изменять свой облик, связанной, видимо, со свойством воды отражать наружность того, кто в нее смотрит. В средние века смех являл собой противо-

вес страхам, он восполнял односторонность и серьезность строгой церковно-государственной идеологии. Культура смеха в христианском мире в основном выражалась в карнавалах, комедийных действиях и процессиях, а в восточной традиции в качестве формы смеховой культуры выступало юродство. Новое время, с присущим ему рационализмом, не придает смеху особого значения, пытаясь вытеснить его из жизни людей, в результате смех становится лишь частью бытовой культуры народа. Сегодня интерес к смеху вновь возвращается, современные ученые начинают оценивать реальную пользу, которую способен принести смех. Человек, лишенный чувства смешного, понимается как духовно бедный и ограниченный, а сам смех трактуется как «мудрый врачеватель человека в беде и в горе, веселый спутник в радости, тонкий воспитатель его эмоциональной культуры» [7, с. 340]. Такое явление как «смехотерапия» не вызывает неодобрительных ухмылок, а практикуется при лечении самых различных «болезней духа», вызванных однообразием, монотонностью, повседневным напряжением. Видимо, знали толк в увеселениях цари, окружавшие себя шутами, задачей которых, помимо того, что они давали мудрые советы в шуточной форме, было смешить царское окружение, укрепляя, как показывает сегодняшняя практика, его моральное и физическое здоровье. Таким образом, в эпоху непростого XXI века, смех, как справедливо в свое время отметил Франсуа Рабле, является спасательным кругом на волнах жизни. А «Аристотелево animal ridens (животное смеющееся) характеризует человека, в противоположность животному, пожалуй, еще точнее, чем homo sapiens» [15, с. 21].

«Общество – истинное царство комедии и трагедии. Человеческое содержание есть во всех объектах комедийного смеха. Человек является единственным существом, которое может и смеяться, и вызывать смех» [3, с. 8]. Но зачем человеку нужен смех, какое значение он играет в человеческих взаимоотношениях, да и вообще, каково социальное предназначение комического? Естественно, комическое направлено на то, чтобы вызвать смех, веселье, доставить радость. А вот далее, исходя из того, как, когда, над чем смеется каждый из нас, можно кое-что узнать и о «внутреннем мире» человека, ведь «...юмор может быть уподоблен рентгеновским лучам, просвечивающим душевную сущность человека» [7, с. 353]. Это же утверждает и Ф. М. Достоевский в «Подростке»: «если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется. Хорошо смеется человек – значит хороший человек... Смех есть самая верная проба души» [6, с. 325].

Как видим, несмотря на свою неожиданность и непредсказуемость «смех – это своего рода зеркало, в котором отражаются и преображаются

все наши эмоции, как бы удваивая “пространство души» [14, с. 52]. Смех способен высветить потаённые грани каждого человека: можно рассмеяться так, что рассмеются все вокруг, а можно легкой улыбкой довести до слез и даже агрессии. Согласно вышеупомянутому Ф. М. Достоевскому: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную» или «иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони» [6, с. 324]. Способность искренне смеяться радует наших близких и поднимает настроение нам самим, ведь позволяя себе детскую беззаботность и лёгкость, мы превращаем мир вокруг себя в цветной калейдоскоп. И как прав был Барон Мюнхгаузен, утверждая, что «умное лицо – ещё не признак ума, господа! Все самые большие глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь!».

Смех захватывает и увлекает одновременно духовную и физическую сторону нашего естества. «По этой причине смех оказывается основой и всего дальнейшего развития человека, основой его культуры – способа взращивания, возделывания и доведения разнообразных начал до полноты. Культура человека в основе своей поистине есть смеховая культура, смешение природного и человеческого, социального и личного, меня и другого, индивидуального и универсального» [12, с. 274].

Даже смерть не пугает смех. В Древнем Риме, например, смеялись на похоронах, смех выступал, своего рода, сакральным оберегом, защищающим человека от темных сил и позволяющим беспрепятственно добраться в царство мертвых. В эпоху Возрождения сама смерть изображалась смеющейся. Получается, что смех – это победа над смертью, над страхом перед этим устрашающим феноменом, который теряет для смеющихся свои устрашающие черты, ведь смеясь, «человек выходит за пределы заданных ему житейских обстоятельств» [8, с. 132]. Конечно, это не реальная победа и нам никуда не деться от смерти, но суметь побороть свой страх уже значит утвердиться в конечном бытии. Причем, лишь «человек находится на границе между временным/временным и вечным, между окончательной действительностью жизни и миром возможного, который становится доступным в смехе, превращающим в возможное даже невозможное». Как мы увидели, смех помогает человеку подняться над собственной ограниченностью, и даже такой темный, но в то же время значимый, феномен нашей жизни как смерть в смеховой игре упраздняется, что позволяет человеку раскрыть свою «смертность, удерживаясь в пределах человеческого способа быть. Пограничность человеческого существования, двойственность его природы и рождает смех как победу над страхом небытия» [8, с. 132–133].

Смех в низком открывает высокое, в будничном – торжественное, в разочаровывающем – обнадеживающее. Когда в качестве объекта смеховой

рефлексии выступает нечто негативное, достойное осуждения или, в общем виде, некое зло, то смех демонстрирует, что зло преодолимо и неопасно. И несмотря на то, что наша смеховая реакция ничего не разрушает и не принуждает мир измениться, уже сам по себе смех противостоит всем мыслимым видам разрушения, созидая свободный от условностей мир смыслов. Таким образом, «смех нарушает существующие в жизни связи и значения. Смех показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, отношений, осмысляющих существующие явления, условностей человеческого поведения и жизни общества». Смех «разоблачает» и «обнажает», отвергая всякого рода неравенство и социальные законы, ведущие к этому неравенству [11, с. 343]. «Смех стремится разрушить существующий несправедливый мир и создать новый, принципиально отличный от него, – идеальный», мир, в котором отсутствуют обычные социальные рамки, и царит всеобщее равенство, мир, в котором смех казнит несовершенство мира, очищает, возвеличивает человека и утверждает радость бытия [3, с. 109]. А поскольку смех изменяет сознание человека, он оказывает значительное воздействие и на окружающий мир, преобразуя его. Он выступает в качестве некой эмоциональной формы, выявляющей господство человека над внешними явлениями, над бытием в целом. «Смех ... вырывает явления и процессы из их жесткой однозначности и зависимости от мира и делает их предметом моей игры с ними, поскольку смысл я ей придаю сам» [10, с. 234].

Серьезность повседневного существования требует от человека следования некоторой заданности в виде привычки или установленного закона, но в любом случае, на человека давит навязываемая и одновременно дисциплинирующая его логика. А смех создает иную реальность, «смеховой мир», царство свободы от множества запретов и предписаний, он «снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит» [11, с. 343].

Существо человека по своей природе ориентировано на смысл и стремится к реализации ценностей с позиций истины, блага и справедливости. Человек всегда больше того, что он сам о себе знает, а смех позволяет раскрыть эти потенциально заложенные возможности. Смех позволяет нам избавиться от бесчисленного количества подавленных вредных эмоций, способствует выработке норм, ценностей социальной коммуникации, содействует формированию человеческой личности. Согласно Н. Бельской: «смех становится единственно и подлинно конструктивным, когда он сопровождает уход и распад того, что изжило себя в человеке, что связывало и блокировало его переход к более высокой ступени духовного развития... осмеиваемое (и тем разрушаемое) человеком лишь в себе самом все мелкое, пошлое, смертное, приземленное,

эгоистическое, дурное, изжившее себя, косное, иллюзорное – диалектически связывает его с подлинной духовностью и подлинными ценностями, с открытием и созерцанием в себе же самом начала высшего, прекрасного и вечного» [1, с. 26, 35–36].

Смех как сугубо человеческий феномен означает, что человек понял и оценил сущность происходящего, выразив свое нравственное или интеллектуальное превосходство. Смеющийся занимает победительную и одновременно великодушную позицию: «...смех радуется, поднимает жизненные силы, ...он знаменует поражение всего того, что мы считаем ничтожным» [12, с. 184]. Когда вольнолюбвец смеется над тираном, он, в первую очередь, смеется над своим страхом перед тираном, когда раб смеется над своим господином, он смеется над своей боязнью перед господином. В любом случае, когда речь идет о смехе слабейшего над угрозой со стороны сильнейшего – это смех, прежде всего, над собственной слабостью. И именно он позволяет нам освободиться от этих страхов и слабостей, как сказал Н. Бердяев, смех есть освобождающее начало, «возвышающее над властью обыденности» [2, с. 311].

В театральном спектакле человеческая жизнь разворачивается на подмостках сцены, и разыгрываемые комические эпизоды вызывают у нас смех, потому что герой не догадывается о ситуации, в которую он попал и не понимает причины смеха над ним. Герой для зрителя простак, которого постоянно водят за нос, что собственно и является смешным. Согласно [Н. Г. Чернышевскому](#), смеясь над безобразным, мы возвышаемся над ним. Так, смеясь над глупцом, мы чувствуем, что понимаем его глупость, понимаем причины этой глупости, и понимаем, каким он должен был быть, чтобы не быть глупцом. Следовательно, смех, кроме того, что позволяет нам казаться себе намного выше глупца, утвердиться в собственных глазах, еще и дает возможность занять критическую позицию по отношению к самому себе и окружающей действительности. Таким образом, получается, что когда человек смеется, он обладает наиболее полным восприятием мира, благодаря чему осуществляется прояснение истины, развивается искренность, беззлобие и преодолеваются несправедливость и зло в социальной жизни. Смех «восстанавливает нарушенные в другой среде контакты между людьми, так как смеющиеся это своего рода «заговорщики», видящие и понимающие что-то такое, чего они не видели до этого или чего не видят другие» [11, с. 343–344].

«Юмор – не просто настроение, но способ смотреть на мир» [4, с. 159]. И если мы идем с улыбкой по жизни и не утратили способность смеяться над своими проблемами, то вероятность того, что нас одолеют страх, волнение, беспокойство или депрессия сводится к минимуму. Кроме этого, как показали ученые, смех высвобождает эндорфины – гормоны счастья, которые помогают избавиться от раздражения и грусти.

Завершить хотелось бы словами И. Бабеля: «У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия» (цит. по: [5, с. 296]). Так давайте не будем глупцами. Смех – великая сила, которую не стоит списывать со счетов, полагая, что он не имеет к серьезному течению жизни никакого отношения. Здесь уж никак нельзя согласиться с утверждением Хейзинга, что смех противостоит серьезному и связывается с притворством, нечестной игрой, в общем, с поведением, когда внешняя сторона действий или слов человека намеренно не соответствует их внутренней цели. Ведь смех, искренний и беззаботный, имеет внеутилитарный характер, его цель заключена в нем самом, это и «повышает нашу жизнеспособность и помогает сохранить здравый смысл. Благодаря юмору мы легче переносим превратности судьбы. Он помогает нам понять истинное соотношение вещей» [16, с. 206].

1. Бельская Н. А. Диалектика смеха: аспект деструктивности.– К.: Оріяни, 2001.– 40 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии).– М.: Междунар. отношения, 1990.– 336 с.
3. Боров Ю. Б. Комическое.– М.: Искусство, 1970.– 272 с.
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Даугава.– 1992.– № 2.– С. 155–159.
5. Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки.– М.: РОССПЭН, 1998.– 332 с.
6. Достоевский Ф. М. Подросток. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1986.– 544 с.
7. Зись А. Я. Искусство и эстетика. Введение в искусствознание. Изд 2-е, испр. и доп.– М.: Искусство, 1974.– 447 с.
8. Иванова-Георгиевская Н. Апофеоз как опыт несмеяния // *Дóџа / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2006.– С. 127–136.
9. Карасев Л. В. Смех // Современная западная философия: Словарь.– М.: Политиздат, 1991.– С. 279–280.
10. Левченко В. Метафизические размышления о смехе // *Дóџа / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 6. Мова, текст, культура.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004.– С. 231–235.
11. Лихачев Д. С. Смех в древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т.– Т. 2.– Л.: Худож. лит., 1987.– С. 343–417.
12. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне).– М.: Лабиринт, 1999.– 288 с.
13. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.– М.: Эдиториал УРСС, 2003.– 320 с.
14. Смех – вестник нового мира (Интервью с Л. В. Карасевым) // Человек.– М.: Наука, 1999.– № 6.– С. 52–55.
15. Хейзинга Й. Homo Ludens // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. \– М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.– С. 7–338.
16. Чаплин Ч. Моя биография.– М.: Искусство, 1966.– 495 с.